

Ю. Е. Горшков

К ИСТОРИИ ВОЗВЕДЕНИЯ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ ПАМЯТНИКА 4-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ПРИНЦА ЕВГЕНИЯ ВЮРТЕМБЕРГСКОГО

Отечественная война 1812 года – одно из наиболее сильных потрясений, выпавших на долю Российской империи в XIX в. Крупнейшее сражение Отечественной войны между русской и французской армиями состоялось 7 сентября (26 августа) в 125 км от Москвы, у никому не известного до той поры села под названием Бородино. Французы назвали эту битву сражением у Москвы-реки (Bataille de la Moskowa). Сражение закончилось неопределенным для обеих сторон результатом, став символом доблести оборонявшихся и бесстрашия наступавших.

Ввиду приближения 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года при Военном министерстве в Петербурге 7 мая 1910 г. была учреждена Межведомственная комиссия под председательством генерала от инфантерии Владимира Гавриловича Глазова. Комиссия разработала ряд мероприятий по подготовке к общегосударственным торжествам, в том числе и на Бородинском поле. Были восстановлены Шевардинский редут, Семеновские и Масловские флеши, проложены дороги по Бородинскому полю и произведен ремонт Главного монумента. На средства государства было сооружено два памятника – на командном пункте М. И. Кутузова в д. Горки и на могиле Д. П. Неверовского на левой Семеновской флешей. Однако большая часть памятников на Бородинском поле возводилась на средства войсковых соединений, принимавших участие в Бородинской битве. Московский губернатор В. Ф. Джунковский вспоминал: «В течение всего летнего времени, предшествовавшего торжествам, разные войсковые части ставили свои памятники на Бородинском поле в ознаменование славных деяний предков. Для сего войсковые части сносились со мною для выбора места, переговоров с крестьянами или другими владельцами для покупки соответствующего участка земли, после чего приезжали представители

полков для составления актов и постановки памятников. Всех памятников было поставлено тридцать три, они были красиво разбросаны по всему Бородинскому полю»¹.

В коллекции письменных источников Музея-панорамы «Бородинская битва» хранится 36 документов, связанных с установкой памятника 4-й пехотной дивизии генерал-майора принца Евгения Вюртембергского. Это переписка полков – потомков бывшей 4-й пехотной дивизии с подрядчиком по производству и установке памятников фирмой «Синицын и К^о», переписка между полками этой дивизии, а также с командованием 17-го армейского корпуса и штабом Московского военного округа. В нашей коллекции также находится письмо Владимира Александровича Иванова, комиссионера и совладельца фирмы «Синицын и К^о», от 10 мая 1956 г. к Марии Матвеевне Сливинской, личность которой пока не установлена. В этом письме В. А. Иванов сообщил, что являлся совладельцем фирмы «Синицын и К^о», и перечислил 12 памятников, поставленных его фирмой: Павловскому гренадерскому полку, 1-й Гренадерской дивизии, 2-й Кирасирской дивизии, Волынскому пехотному полку, 24-й пехотной дивизии, Муромскому пехотному полку, 4-му кавалерийскому корпусу, 2-й гренадерской дивизии, 27-й пехотной дивизии, 1-й батарее лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригады, 2-й Его Величества батарее лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригады и памятник 4-й пехотной дивизии. К письму Иванов приложил свою фотографию, благодаря которой мы знаем, как выглядел один из совладельцев фирмы «Синицын и К^о».

Как известно, памятник 4-й пехотной дивизии расположен у Спасо-Бородинского монастыря, между Утицким лесом и левым фасом южной Багратионовой флеши. Памятник выполнен по проекту архитектора А. П. Верещагина и представляет собой гранитную глыбу с многочисленными сколами, водруженную на постамент с белокаменным цоколем. На вершине монумента закреплен двуглавый орел – герб Российской империи. На лицевой стороне памятника текст: «Доблестным предкам 4-й пехотной дивизии принца Виртембергского, стяжавшим в Бородинском сражении вечную славу Отечеству и русскому воинству». В кампанию 1812 г. дивизия входила в состав 2-го пехотного корпуса 1-й Западной армии, а 26 августа 1812 г. сражалась в центре и на левом фланге русской позиции.

4-я пехотная дивизия генерал-майора принца Евгения Вюртембергского на 1812 г. состояла из трех бригад:

- 1-я бригада – Кременчугский и Минский пехотные полки;
- 2-я бригада – Тобольский и Волынский пехотные полки;
- 3-я бригада – 4-й и 34-й егерские полки.

В установке памятника приняли участие Кременчугский, Минский и Курский полки, так как Курский полк был сформирован 6 апреля 1863 г. из 4-го резервного батальона и бессрочно отпускных Минского полка. Кроме того, Тобольский и Болховской полки, поскольку последний был сформирован 13 октября 1863 г. из 4-го резервного батальона и бессрочно отпускных 5-го и 6-го батальонов Тобольского полка. По упразднении егерских полков 6 апреля 1863 г. из 4-го резервного батальона и бессрочно отпускных 4-го егерского полка был сформирован в Вильне двухбатальонный Эстляндский резервный пехотный полк, который 13 августа 1863 г. был назван Пермским пехотным полком. Им были унаследованы старшинство и знаки отличия 4-го егерского полка, поэтому он также принимал участие в установке памятника. 34-й егерский полк был расформирован, и 28 января 1833 г. 1-й и 3-й его батальоны были присоединены к Кольванскому, а 2-й – к Томскому пехотным полкам. Старшинство 34-го егерского полка сохранено не было. Кольванский полк участия в Бородинском сражении не принимал, а Томский полк сражался на Бородинском поле в составе 24-й пехотной дивизии и принимал участие в возведении памятника 24-й пехотной дивизии генерал-майора Лихачева. Волынский полк принял решение возводить отдельный полковой памятник. Таким образом, памятник бывшей 4-й пехотной дивизии был поставлен от шести пехотных полков: Кременчугского, Минского, Курского, Тобольского, Болховского, Пермского.

Сохранившийся корпус источников позволяет проследить весь процесс установки монумента от возникновения замысла до полной его реализации. Некоторые сведения, имеющиеся в коллекции Музея-панорамы «Бородинская битва», подтверждены и дополнены данными из документов, хранящихся в РГВИА.

Первый документ от 28 февраля 1912 г. за № 352 представляет собой информационный листок правления Акционерного общества «Бородино» полковнику Алексею Александровичу Ненарокову, временно исполнявшему обязанности командира 138-го Болховского пехотного полка, с предложением услуг по составлению проектов, изготовлению моделей и сооружению памятников для установки их на Бородинском поле. Согласно подписи на документе, листок был принят полковым адъютантом поручиком Бастрыкиным 14 марта 1912 г. В листке также сообщалось, что комиссия, образованная для чествования памяти 1812 года, определила места для постановки памятников на Бородинском поле и дату – до 1 августа. Комиссия также сообщала, что памятники должны быть художественной работы и отвечать своему назначению, при этом пояснялось, что они должны быть из прочного материала (гранит, бронза, чугун, железо), исполнены по про-

ектам, составленным на основании проверенных исторических материалов, и по своему содержанию отвечать истории воинской части.

Необходимо уточнить, что, по всей видимости, все шесть полков, от имени которых и был поставлен памятник на Бородинском поле или какая-то часть из них, еще в начале февраля 1912 г. пришли к определенному соглашению между собой об установке памятника, так как в РГВИА сохранилось два документа это подтверждающих. В документе № 945 от 18 февраля 1912 г. содержится донесение командира 54-го Минского пехотного полка генерал-майора барона фон Гейкинга начальнику 4-й пехотной дивизии о том, что офицерами вверенного ему полка единогласно принято решение об участии в сооружении дивизионного памятника на Бородинском поле самостоятельно или же по соглашению с другими полками, о чем он вошел в переписку с полками бывшей 4-й пехотной дивизии. Барон Гейкинг добавляет, что на постановку памятника полк ассигновал 150 руб.²

Второй документ без даты, но не позднее конца февраля 1912 г. – письмо командира 54-го Минского пехотного полка командиру 101-го Пермского пехотного полка, в котором он сообщает, что офицеры вверенного ему полка единогласно решили принять участие в сооружении памятника. Для согласования условий установки памятника он предлагает представителю 101-го Пермского пехотного полка взять на себя трудности представительства его полка. Далее командир 54-го Минского пехотного полка просит уведомить его о принятом решении и обязуется выслать 150 руб. в распоряжение 101-го Пермского пехотного полка³.

Что касается документа от 28 февраля, по-видимому, полки бывшей 4-й пехотной дивизии отказались от услуг Акционерного общества «Бородино», так как дальнейшая переписка велась полковником А. А. Ненароковым напрямую с фирмой-изготовителем. К тому же, согласно данным РГВИА, приказом за № 68 от 8 марта 1912 г. полковнику Ненарокову выдано в штабе полка 100 руб. в качестве аванса для командировки в Москву и Смоленск для обсуждения вопроса о постановке памятника⁴.

В нашей коллекции имеется также письмо от 12 марта 1912 г. от вышеупомянутого В. А. Иванова, являвшегося одновременно комиссионером Московского археологического института. В письме на имя полковника А. А. Ненарокова В. А. Иванов от лица фирмы «Синицын и К^о» подсчитал расходы за работы по сооружению, доставке и установке на Бородинском поле памятника бывшей 4-й пехотной дивизии (Тобольский, Болховский, Кременчугский, Минский, Курский, Пермский пехотные полки). В письме описаны размеры памятника: высота – 49 вершков (217,8 см); ширина – 20 вершков (88,9 см); толщина – 8,5 вершков (37,8 см), а также указан срок

сооружения памятника – не позднее 1 августа при условии, что необходимый выкуп земли для работ состоится не позднее 15 мая. Им определена общая стоимость работ – 1 150 руб. Затем В. А. Иванов сообщил, что при заказе необходимо внести задаток в виде 1/3 всей суммы; остальные 2/3 должны быть уплачены в недельный срок по завершению всех работ. В том же письме содержится приписка от 5 июня 1912 г., где представитель фирмы «Синицын и К^о» сообщил, что, вследствие приостановки работ по просьбе полковника А. А. Ненарокова, стоимость материалов и самих работ увеличилась на 300 руб. и составила 1 450 руб. Очевидно, представители от полков согласились с увеличением стоимости памятника, так как фирма «Синицын и К^о» сообщила, что ею получен задаток в 450 руб. Несколько позже необходимая сумма увеличилась еще на 275 руб., и, таким образом, стоимость памятника возросла на треть от первоначальной.

Получив смету на создание памятника, полки-потомки 13 марта 1912 г. внесли задаток в 10 руб. за аренду земли, что отражено в хранящемся у нас приговоре крестьян д. Семеновское на сельском сходе, где в присутствии старосты Матвея Николаевича Кирсанова было принято решение о сдаче 4 кв. саженей непахотной земли (8,54 м²) ценою 45 руб. полковнику А. А. Ненарокову. В приговоре также указывалось, что в случае, если полки захотят арендовать пахотную землю, то она будет стоить уже по 15 руб. за каждую сажень, т.е. 60 руб. Далее следуют имена 30 человек, подписавших документ, потомки которых, может быть, до сих пор проживают в д. Семеновское, не подозревая, что их предки были причастны к установке памятника.

Согласно документам РГВИА, полковник Ненароков 19 марта 1912 г. вернулся в расположение полка из вышеупомянутой командировки⁵. В тот же день начальник штаба Московского военного округа отправил в штаб 54-го Минского полка телеграмму за № 4904 следующего содержания: «В настоящее время выяснилось, что государю императору не угодно, чтобы части войск возводили на Бородинском поле отдельные памятники. Не выяснено будут ли допущены к возведению дивизионные и корпусные или только групповые... Ввиду изложенного всем частям необходимо прекратить все заказы памятников и сообщить штабу округа какую сумму они предполагают пожертвовать на постройку одного общего или групповых памятников». Телеграмма была получена 54-м Минским пехотным полком 27 марта⁶.

Судя по всему, полковник Михаил Николаевич Вахрушев, командир 101-го Пермского пехотного полка, получил телеграмму из штаба Виленского военного округа, запрещающую возведение отдельных памятников, несколько позднее, нежели 54-й Минский полк, так как в письме от 22 марта № 23111254-му Минскому полку он сообщает: «Представители от полков

бывшей 4-й п.д. собрались сначала в Смоленске, а затем в Москве. Выработан проект и заказан памятник от 6 полков дивизии за 1 150 рублей с установкой и оградой. Эскиз его при сем прилагаю. Потребуется ещё прибавить от полков дивизии около 50 рублей на покупку места. Так что окончательная сумма выразится для каждого из полков в 200 рублей. Первый задаток в 100 рублей следует выслать в 138 п.п. представитель которого полковник Ненарокомов взял на себя труд следить за постановкой памятника»⁷. Письмо было получено штабом 54-го Минского пехотного полка 27 марта.

О сложной ситуации, в которую попали полки бывшей 4-й пехотной дивизии, мы узнаем из последующих писем полковника М. Н. Вахрушева. Первое письмо находится в РГВИА, в котором полковник Вахрушев уведомляет 54-й Минский полк о запрете постановки памятников, заверяя его командира, что, как только последует разрешение на установку группового памятника, немедленно будут высланы 100 руб. командиру 138-го Болховского пехотного полка. Также командир 101-го Пермского полка сообщает данные о потерях полка в Бородинском сражении: убиты майор Петров, штабс-капитан Будуговский, 35 нижних чинов; ранены капитан Зернов, штабс-капитан Луценко, подпоручик Ушаков и 267 нижних чинов; пропали без вести 128 нижних чинов. Всего 435 человек⁸. Второе письмо 101-го полка от 28 марта 1912 г. находится в Музее-панораме «Бородинская битва», оно адресовано полковнику А. А. Ненарокову. Письмо прибыло в 138-й Болховской полк 31 марта. В нем сообщается о получении телеграммы с запретом постановки памятников, возводимых одиночными частями. Сам М. Н. Вахрушев, не отказываясь от участия в сооружении памятника, просил разъяснить, какой памятник – от полков, дивизии или более крупных воинских соединений – можно будет установить на Бородинском поле; изменится ли тогда сумма в 200 руб., требуемая на памятник, и можно ли уже высылать деньги в 138-й Болховской полк.

Очевидно, что значение словосочетания «отдельные памятники» в распоряжении Николая II о запрете на установку памятников было понято командирами полков бывшей 4-й пехотной дивизии по-разному. К тому же в распоряжении не уточнялось, будут ли допущены к возведению дивизионные памятники. По всей видимости, полковник А. А. Ненарокомов к моменту получения этого письма уже имел сведения о запрете возведения отдельных памятников от штаба Московского военного округа, так как еще 22 марта он сообщил об этом В. А. Иванову и просил представителя фирмы «Синицын и К^о» отменить сделанный ранее заказ. Письма А. А. Ненарокова от 22 марта в коллекции нет, но его номер и содержание мы можем восстановить по ответу фирмы «Синицын и К^о» от 30 марта 1912 г. В. А. Иванов

в ответном письме требовал выслать задаток согласно условиям договора, поскольку окончательный заказ на изготовление и постановку памятника был получен еще 12 марта. Далее В. А. Иванов сообщил адресату, что весь материал был им заказан уже 13 марта, т.е. на следующий день после получения заказа. Представитель фирмы указывает на то, что приостановка заказа или его отмена наносит ему материальный ущерб, в силу чего заказчик не может считать себя свободным от оплаты заказа. Таким образом, фирма-подрядчик отказала полкам бывшей 4-й пехотной дивизии в возможности аннулировать заказ или приостановить работы по его выполнению.

Возможно, распоряжение штаба МВО о запрете постановки на Бородинском поле отдельных памятников было получено и другими полками, пожелавшими увековечить в граните подвиги 4-й пехотной дивизии. Так, 8 апреля 1912 г. А. А. Ненарокомов получил письмо начальника хозяйственной части 125-го Курского пехотного полка по фамилии Луртс. Луртс, сославшись на циркулярное отношение начальника штаба МВО от 19 марта за № 4904, сообщил, что деньги на отдельный памятник 4-й пехотной дивизии высланы быть не могут, так как 125-й полк отказывается от участия в постановке памятника. Очевидно, что 125-й Курский полк получил распоряжение МВО о постановке общего памятника в последних числах марта, что соответствует дате письма – 31 марта. По всей видимости, Луртс также не совсем понял, что подразумевается под памятником отдельным воинским частям, посчитав таковой и 4-ю пехотную дивизию, и решил, что памятники на Бородинском поле будут устанавливаться более крупным соединениям, не менее корпуса. В то же время командир 54-го Минского пехотного полка генерал-майор Гейкинг, очевидно, посчитал, что дивизионные памятники не попадают под распоряжение императора о запрете постановки отдельных памятников, так как 1 апреля 1912 г. барон Гейкинг сообщил в штаб 14-й пехотной дивизии, что полк отдельного памятника сооружать не будет, а по соглашению полков бывшей 4-й пехотной дивизии поставит памятник общий, т.е. дивизионный⁹.

А. А. Ненарокомов, попав в безвыходное положение, 2 апреля 1912 г. отправил рапорт № 2522 начальнику штаба МВО генерал-лейтенанту Николаю Ивановичу Протопопову, где написал, что руководствуясь разрешением штаба округа от 29 февраля 1912 г. за № 34 комиссия из шести полков, представляющих бывшую 4-ю пехотную дивизию, 12 марта «заказала памятник у В. А. Иванова бывшего Синицына, комиссионера фирмы „Синицын и К^о“ за 1 150 рублей, внося задаток в размере 450 рублей, также полками уже получен приговор крестьян на аренду земли под памятник, за что уплачен задаток в 10 рублей»¹⁰. Однако 19 марта было получено рас-

поряжение штаба МВО № 4904 о постановке общего памятника, в связи с чем возникла необходимость отменить ранее сделанный заказ. Тем не менее фирма «Синицын и К^о» не признает возможности приостановить работу и требует полной оплаты заказа. В связи с этой неразберихой А. А. Ненарокомов просил дальнейших указаний от командования штаба МВО.

Это временное затруднение, в которое попали полки-потомки, уже внесшие свои деньги, разрешилось для них самым благоприятным образом. 23 апреля Николай II разрешил постройку отдельных памятников, и 14 мая в 138-й пехотный полк пришла телеграмма с высочайшим уведомлением. Эти сведения 21 мая начальник штаба МВО переправил телеграммой командиру 17-го армейского корпуса, в состав корпуса входила 35-я пехотная дивизия и соответственно 138-й Болховский пехотный полк. В телеграмме подробно разъяснялось, что «23 апреля 1912 г. Государь Император разрешил на памятных местах постройку спроектированных, как общих, так и отдельных памятников вместо одного общего, принимая во внимание, что в подавляющем большинстве случаев уже произведены соответствующие заказы, большая часть работ уже выполнена, а некоторые памятники уже окончательно закончены»¹¹.

В РГВИА сохранились документы, проливающие свет на это радостное для полков бывшей 4-й пехотной дивизии событие. Первый документ представляет собой телеграмму № 21 от 4 мая начальника штаба 8-го армейского корпуса, адресованную штабу 14-й пехотной дивизии: «Государь император 28 апреля сего года разрешил войсковым частям постройку отдельных памятников на Бородинском поле». Телеграмма была получена штабом дивизии 9 мая и отправлена в штаб 54-го Минского пехотного полка, а 10 мая получена штабом полка¹². Второй документ – это телеграмма начальника штаба Одесского военного округа от 21 мая, также адресованная в штаб 14-й пехотной дивизии. Из штаба дивизии телеграмма была отправлена в штаб 54-го полка и получена 2 июня: «Государю 23 апреля благоугодно было высочайше разрешить постройку отдельных памятников, снисходя к интересам войсковых частей кои уже произвели соответствующие заказы, заключили контракты и приобрели земельные участки для работ»¹³.

Получив разрешение на строительство отдельного памятника, А. А. Ненарокомов снова обратился в фирму «Синицын и К^о» с просьбой восстановить прерванную на два месяца работу и 23 мая 1912 г. получил ответ от В. А. Иванова, в котором тот сообщил о возможности возобновить заказ лишь в полуторной сумме (в 1 725 руб.) с задатком в 50%. Комиссия по постановке памятника от полков – потомков бывшей 4-й пехотной дивизии согласилась с новыми условиями.

27 мая 1912 г. председатель комиссии подполковник 101-го Пермского пехотного полка Александр Иванович Саханский сообщил А.А. Ненарокову, что оставляет на его усмотрение выработку подписи на переднем фронте памятника, а сведения об убитых и раненых в трех полках уже собраны и отправлены в 38-й Тобольский пехотный полк.

Далее события развивались в русле принятых решений. Приказом № 158 от 5 июня 1912 г. полковнику Ненарокову на надобности по сооружению памятника на Бородинском поле было выдано 500 руб.¹⁴ Сверх этого по ведомости № 35 от 5 июня 1912 г. он получил на поездку в Смоленск и Москву 50 руб.¹⁵

11 июня 1912 г. подполковник А.И. Саханский поставил в известность А.А. Ненарокова, что командир 101-го Пермского пехотного полка М.Н. Вахрушев отправил письмо командиру 125-го Курского пехотного полка в связи с отказом командира этого полка участвовать в сооружении памятника на Бородинском поле. А.И. Саханский высказал предположение, что отказ, вероятно, вызван недоразумением, связанным с тем, что в полку сменился командир, которому, очевидно, не успели доложить о достигнутых ранее договоренностях полка в постановке памятника. И действительно, с марта 1912 г. командовать полком был назначен полковник Анастасий Егорович Политьев. А.И. Саханский сообщил также, что командир Пермского полка М.Н. Вахрушев благодарит А.А. Ненарокова за хлопоты и просит не беспокоиться о сумме в 275 руб. Очевидно, стоимость материалов для памятника и работ по его изготовлению была несколько снижена, так как в сумме взнос в 275 руб. от шести полков составляет 1 650 руб., что меньше заявленной фирмой «Синицын и К°» стоимости на 75 руб.

Но тремя днями позже заявил о себе письмом от 14 июня 1912 г. командир 125-го пехотного полка полковник А.Е. Политьев, сообщив полковнику А.А. Ненарокову об иной причине отказа от участия в установке памятника. По его словам, вышестоящее начальство не разрешило произвести расход на памятники из полковых сумм, а других источников финансирования не имелось.

Проблема внезапного отказа Курского полка от участия в сооружении памятника не была решена и по прошествии двух недель. В письме от 1 июля 1912 г. командир 101-го полка М.Н. Вахрушев напомнил А.Е. Политьеву, что Курский полк еще не выслал задаток в 100 руб. Вахрушев также поинтересовался, остается ли в силе решение 125-го полка отказаться от участия в постройке памятника, и просил А.Е. Политьева сообщить о своем решении как можно ранее.

Деньги от полков, решивших поддержать сооружение памятника своим славным предшественникам, поступали в несколько этапов. 19 июня 1912 г. 138-й Болховской полк получил от 32-го Кременчугского полка на установку памятника на Бородинском поле 200 руб.¹⁶ Далее, в ведомостях 138-го Болховского полка от 13 июля указано, что от 38-го Тобольского полка получено 275 руб., от 54-го Минского – 275 руб., от 101-го Пермского – 75 руб. на сооружение памятника¹⁷. И наконец, 16 июля 1912 г. 138-й Болховский пехотный полк получил от 32-го Кременчугского на установку памятника 75 руб.¹⁸

Следует сказать, что 125-й Курский пехотный полк все же принял участие в постановке памятника, об этом свидетельствует не только памятная надпись на памятнике. Так, в письме от 5 июня 1913 г. полковник А. Е. Политьев просил полковника А. А. Ненарокова сообщить, где и за какую сумму могут быть приобретены фотоснимки памятника. А уже 25 июня 1913 г. А. А. Ненароков уведомил полковника А. Е. Политьева, что через три недели будут высланы два фото памятника, а стоимость их будет включена в расчет суммы, израсходованной на устройство памятников. Отсюда явствует, что 125-й Курский пехотный полк в конце концов внес необходимую сумму на сооружение памятника. И даже живо интересовался его внешним видом.

Сохранился также рапорт Ненарокова за № 115 от 20 августа 1912 г., в котором прямо говорится, что он получил от 125-го Курского полка 275 руб. на устройство памятника¹⁹.

26 июня 1912 г. комиссионер В. А. Иванов в письме полковнику А. А. Ненарокову потребовал немедленно прислать надпись для памятника в 250 букв. В. А. Иванов разъяснял: «...если надпись будет свыше 250 букв, то она будет выглядеть очень мелко и некрасиво»²⁰. В тот же день, 26 июня 1912 г., А. А. Ненароков получил еще одно письмо, где командир 38-го Тобольского полка полковник Владимир Григорьевич Владимиров наряду с уведомлением о высылке 275 руб. сообщил сведения о потерях полка: три обер-офицера и 248 нижних чинов были убиты; шеф полка генерал-майор П. П. Шрейдер, один штаб-офицер, шесть обер-офицеров и 133 нижних чина ранены; без вести пропало 34 нижних чина. Тот же В. Г. Владимиров сообщил А. А. Ненарокову сведения, полученные от подполковника 101-го Пермского пехотного полка А. И. Саханского: «...в 101 Пермском, 54 Минском и 125 Курском полках убито 2 офицера и 35 нижних чинов, ранено 3 офицера и 267 нижних чинов, без вести пропало 128 нижних чинов»²¹. Судя по документам, весь 1912 г. полковник А. А. Ненароков провел в беспокойстве и хлопотах о памятнике предкам. 27 июня 1912 г. он получил письмо из торгового дома «Шансон

и Жаке», где сообщалось, что «стоимость цинковой доски по черному фону с полированными буквами 24 × 16 вершков обойдется в 85 рублей»²². Оговаривался и срок исполнения – пять недель. «Шансон и Жаке» также сообщили, что «цинковый литой орел вызолоченный в размере 8 вершков стоит 15 рублей»²³.

К первым числам июля 32-й Кременчугский пехотный полк все еще не подал сведения об убитых и раненых в Бородинском сражении. Полковник А. А. Ненарокомов телеграммой просил командира этого полка срочно сообщить необходимые сведения о потерях. Телеграмма А. А. Ненарокова не датирована, но мы можем говорить, что отправлена она была не позднее 5 июля, так как в этот день А. А. Ненарокомов получил ответную телеграмму от командира Кременчугского полка Василия Александровича Ратко. Ее содержание позволяет нам судить о трудностях, преодолеваемых командирами полков, расквартированных вдали от места событий. Так, В. А. Ратко известил А. А. Ненарокова, что сведений об убитых и раненых в полку не имеется, и попросил дать поручение собрать эти сведения фирме «Синицын и К°». От себя командир Кременчугского полка еще добавил, что список убитых и раненых в Бородинском сражении помещен на мраморных досках в храме Христа Спасителя.

7 июля 1912 г. совладелец фирмы «Синицын и К°» В. А. Иванов выслал полковнику А. А. Ненарокову шаблон «с полированных мест памятника», на котором просил «разместить надпись для задней стороны до 200 букв и на передней до 50 букв»²⁴. Кроме того, В. А. Иванов просил утвердить надпись и выслать ее обратно не позднее 12 июля.

Наконец, 29 августа 1912 г. полковник А. А. Ненарокомов получил известие от комиссионера В. А. Иванова о том, что памятник готов и уже установлен на Бородинском поле. Далее следовала просьба «учинить расчёт и выслать деньги по адресу: Москва, Мясницкая, 21»²⁵.

Итак, архивные документы фонда «Письменные источники» Музея-панорамы «Бородинская битва», подкрепленные сведениями из РГВИА, помогли показать все перипетии и трудности, с которыми столкнулись шесть полков бывшей 4-й пехотной дивизии при сооружении памятника на Бородинском поле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 11.

² РГВИА. Ф. 2668. Оп. 2. Д. 34.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 2752. Оп. 2. Д. 18.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. 2668. Оп. 2. Д. 37.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Музей-панорама «Бородинская битва». Док. Оф-5642/4 от 2 апреля 1912 г.

¹¹ Там же. Док. Оф-5642/1 от 21 мая 1912 г.

¹² РГВИА. Ф. 2668. Оп. 2. Д. 37.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф. 2752. Оп. 2. Д. 21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 22.

¹⁹ Там же.

²⁰ Музей-панорама «Бородинская битва». Док. Оф-5642/14 от 7 июля 1912 г. № 283.

²¹ Там же. Док. Оф-5642/33 от 1 июля 1912 г.

²² Там же. Док. Оф-5642/17 от 25 июня 1912 г.

²³ Там же. Док. Оф-5642/17 от 25 июня 1912 г.

²⁴ Там же. Док. Оф-5642/14 от 7 июля 1912 г. № 283.

²⁵ Там же. Док. Оф-5642/15 от 29 августа 1912 г.